

ВАЛЕРИЙ БЕЛОЛИС

ОСОБОЕ ЧУВСТВО

РАССКАЗЫ, НОВЕЛЛЫ, ЗАРИСОВКИ

1
День Святого
Георгия Победоносца

7
День Гагари

8
Великий
день красного знамени
и Красной Гвардии

9
День Победы

10
День Конституции
Швейцарии

11
День Родины
альпийского Дале

12
Всемирный день
Медсестер

13

Стриженка
Воздушная

25
День Х

День
Искви-
зиторы

20
День Свя-
того Фомы

28

Валерий Белолис

**Особое чувство. Рассказы,
новеллы, зарисовки**

«Издательские решения»

Белолис В.

Особое чувство. Рассказы, новеллы, зарисовки / В. Белолис —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745594-1

Книга о любви. О любви к жизни, к женщине, к дереву, к морю, к вкусу росы и к голосу колоколов в предрассветной дымке. Книга о том, как жить, любя. Трудно это или легко, нужно это или не нужно. Книга о страсти. О страсти к женщине, к желанию быть счастливым, к «не могу» и к «никогда». О страсти к приобретаемому, живя. Книга о мысли, о чувстве и о том, как совместить чувство и разум, как смотреть на жизнь, отстранившись, как не стать холодным, наблюдая...

ISBN 978-5-44-745594-1

© Белолис В.
© Издательские решения

Содержание

Проза. Из цикла «В пути...»	6
Рожденная Пастернаком	7
На расстоянии или День сурка	12
Хитрое море	21
Ее убили	23
Сказка. Шрам. Жизнь	33
Глава 1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Особое чувство

Рассказы, новеллы, зарисовки

Валерий Белолис

Редактор Валерий Белолис

Иллюстратор Элла С.

© Валерий Белолис, 2017

© Элла С., иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-5594-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза. Из цикла «В пути...»

Рожденная Пастернаком

В мое купе СВ светит усталое заходящее солнце. Только что был ливень, град; черная туча прибежала, словно провожать меня... и тут же убежала, обдав город исполинским ведром воды и дав простор солнцу.

Утихомирилось! Умытый поезд начал свое движение с Востока на Запад, благородно, не спеша, почти как настоящий англичанин, не прощаясь и не оглядываясь. Он назывался бы «восточным экспрессом», если был бы в Америке, а у нас просто – ночной, суточный, самый протяженный путь в стране. Станции только самые крупные, стоянки минимальные, вагончики новые, чистые, ухоженные, и что странно, тихие. Когда проводник закрыл дверь, показалось, что мир разделился на «до» и «после». Убыстряющееся вместе с поездом настоящее уже искало будущее, хотя прошлым еще не стало.

В купе я один. Интересно ждать попутчика, ощущая некий привкус интригующей тайны случая. Чаще ожидание не оправдывается, но предвкушение почти всегда помнится дольше, чем послевкусие.

Стук в дверь, и улыбчивая молодая проводница в форменной голубой юбочке и белой прозрачной блузке легко присаживается на диванчик напротив, начинает привычный разговор о том, что «в нашем вагоне сплошной сервис... кондиционер уже работает и скоро будет очень хорошо... кофе-чай с чем угодно и в любое время...». Можно было спросить по поводу «с чем угодно», но не стал заниматься «зеркальной иронией», расплескивать почти собранную гармонию в ощущениях и окружающем.

За окном степной пейзажик: желто-серый, высушенный, а без горьковатого запаха полыни – монотонный и однообразный. Степь – она такая, не каждому открывается. Ее красоту видит и чувствует только житель этих мест. Остальные только пытаются.

Недочитанный томик Пастернака, его стихи, его жизнь дают повод не уснуть. Спокойствие начинает граничить с отрешением, дрема кружит хищной птицей, мысли опускаются круг за кругом, как колечки в детской пирамиде, нанизываясь.

Он появился в дверях купе часа через два. Парень, лет двадцати пяти – двадцати семи, темные каштановые волосы, правильные, почти аристократические черты лица, легкие голубые глаза. При появлении в двери купе – улыбка, и какой-то простой, по-детски наивный вопрос:

– Ну, что мы будем делать?

Сразу вспомнился мой сын в года так два, два с половиной, заходящий в большую комнату и потирающий одну ладонку о другую: «Ну! Сто мы будем делить?» – и по-хозяйски осматривающий окружающих и окружающее. И становилось понятным – сейчас будет «школа».

Парень, не дожидаясь ответа, положил вещи, спортивную кожаную сумку, на диван и тут же протянул руку, представившись:

– Игорь!

Сухая крепкая ладонь, внимательный, но не навязчивый (отсюда и легкий) взгляд, спокойный, выразительный тембром и интонацией внимания, голос. «Такие сводят женщину с ума при первом же прикосновении...» – вспомнил я когда-то прочитанную книжную фразу и тут же понял, что не таким и наивным был его вопрос. Он решал сразу несколько задач: ломал стенку первого слова, сразу приглашал к соучастию, к совместному действию, да и создавал ощущение комфорта, душевного комфорта, значение которого в первые минуты контакта двух незнакомых людей чрезвычайно велико.

Поезд, убыстряясь и радуясь, отстукивал рельсовые стыки. Игорь сказал:

– Я в ресторан... кушать очень хочется. Со мной?

– Нет, спасибо. Я уже поел. Перед отъездом.

– Тогда после по рюмочке. У меня отменный коньячок с лимончиком!

– Посмотрим...

И он ушел.

Пастернак заставил опять забыть о существовании кого бы то ни было.

Через час Игорь пришел из ресторана уже не один. Две девушки спокойно расположились в купе, а Игорь попросил меня выйти на пару слов.

– Валера, понимаешь, я люблю секс втроем.

Он сделал паузу, дал возможность прокрутить все возможные варианты, наблюдая за реакцией. Вряд ли что-нибудь он мог прочесть по моему лицу, но варианты я перебирал.

– Так. И что? – спросил я.

Он продолжил, почувствовав, что со мной можно договориться. Но он не знал, что и я обычно тоже неплохо отношусь ко всему, что разнообразит путешествие.

– Это не долго. Часик, полтора. Грех упускать.

– ...

– У них тоже СВ, следующий вагон только.

– ...

– У них там плеер, послушаешь.

Последнее меня добило. Да ради Бога! Пастернак везде читается.

– Какое купе?

– Сейчас спросим.

Игорь открыл дверь, и я немного рассмотрел девушек. Глаза, светящиеся... от ожидаемого? Улыбки... вежливости? Вышколенность южными морскими ландшафтами? «У голубоглазой красивая поза, скорее всего природная гибкость, – заметил я, наклоняясь над диванчиком и забирая Пастернака. – И запах... легкий... похожий на... запах магнолии».

Мы вышли в коридор вместе. И это подчеркивало его воспитание, его культуру.

– Не обижаешься? – вопрос с улыбкой.

– По-моему, не на что, – ответ с улыбкой получился сам собой.

– Зря ты уходишь... – чувствуется некоторая ироничность, легкая, как взмах крыльев бабочки.

– Ну, ты же любишь секс втроем, а не вчетвером, – взмах крыльев бабочки в ответ. Наверное, это махаон.

– Потеснился бы. Девушки хорошие, сразу видно. Неужели не хочется?

Махаон устремляется в вечернее небо.

– Хотеть и желать – это разные понятия, – произношу я.

Это уже планирование, поиск и наслаждение от встречного потока ветра, задержка до очередного взмаха.

– А-а, понял. Женщину нужно желать. Ну что ж, а я хочу. Циник? Да. Ну и что? Зато все честно, – чуть грустит он.

Бабочка исчезает в ночном небе.

Почему-то медленно шел по коридору вагонов: сначала, осторожно – по своему, потом, медленно и задумчиво – по следующему. В тамбуре странно поменялся акцент: спокойствие и уравновешенность таинственно исчезли. Интуитивно чувствовалось, что легкий запах, дразнящий и забравшийся в память, гнездится где-то здесь, за дверью одного из купе, на которой должна быть римская пять. Пять была, и дверь поддалась очень легко, как будто ждала моего движения рукой, и впустило меня пространство легко, словно знакомого – тут же поддалось,

уступило, подвинувшись. Шторы были закрыты и свет, пробивавшийся сквозь уставшие светить щели, выкраивал из полутьмы кусочки... островки... оазисы.

Я сел на правый диван, осмотрелся. Один из таких оазисов оказался у меня на коленях, на листах раскрытой книги. Брошенные майка и тонкие вельветовые шорты... CD-плеер... на полу легкомысленные тапочки... на подушке диск Рамазотти... блокнотик в кожаной темно-зеленой обложке и тонкая серебристая ручка. А на столике второй оазис света уживался с минеральной водой, журналом «Cosmopolitan», растиражированным Платоновым, грейпфрутовым соком и источником запаха – выкрученной по оси фиолетовой бутылочкой.

Я откинулся назад и прикрыл глаза. Здесь во всем ощущалась женщина, которой хватило получаса для того, чтобы вдохнуть жизнь в это движущееся по рельсам многоуровневое образование, приложением которого я и стал...

Вспомнив, что мне был обещан плеер, я потянулся за ним. Но открылась дверь. Звук заставил меня отдернуть руку, оглянуться и выпрямиться.

– Берите, берите, – была озвучена улыбка и внимательный, иронично-уверенный взгляд ярко-голубых глаз, – только вы вряд ли будете слушать Рамазотти.

– Почему вы так думаете?

Девушка не ответила, зашла в купе и прикрыла дверь, оставив возможность образоваться еще одному оазису света... на полу.

– Вам нравится полумрак? – спросила она, садясь и выпрямляя ноги, захватывая свет на полу и перекрывая мне путь к выходу.

«Перешагнуть? – подумалось, – а потом попрощаться».

Вопрос как-то тоже перекрывал естественность моего ухода сейчас. Хотелось понаговорить ироничных колкостей, завоевать возможность ухода на равных. Но я опустил на диван молча и встретился с ней взглядом. Ее уверенность граничила с наглостью, но не откровенной, а спрятанной под тонкой дымчатой материей интеллекта. Подумалось, что в девятнадцатом веке ей точно нужно было бы носить вуаль, чтобы слыть порядочной женщиной. «Почему в девятнадцатом? Почему не в начале двадцатого? Впрочем, какая разница...».

– И страшной близостью закованный, смотрю за темную вуаль... – начиная или подводя итог диалогу, продекламировал я. А заодно...

Не получилось. Девушка подобрала ножки, усмехнулась.

– У Блока близость странная, у вас – страшная. А... вы уже закованный?

Было такое ощущение, что она подняла вуаль. Не остается ничего другого, кроме как рассмеяться.

– Вы меня проверяли? – догадалась она. – Как не стыдно!

– Ну что вы. Как я мог.

Девушка собрала себя в памятную мне позу: одну ногу она подобрала под себя, а вторую подтянула к себе, обняла ее двумя руками и положила голову на коленку, чуть наклонив. Она смотрела, как бы заглядывая, приглядываясь. Ее брючный костюм был создан для этой позы.

– Вы не спешите... Там действие в самом разгаре. Как бы вам не пришлось заночевать здесь, – ловя мою реакцию, медленно произнесла она.

Мне казалось, что моей реакции не было, а получается, она была. Вспомнился Шарапов в «Место встречи...»: «А ты на руки его посмотри!». Да, что тут скажешь. В моей правой руке до сих пор был раскрытый Пастернак, и в мозг снова и снова, через буквы и собранные из них слова, впечатывались оплавленные смыслом строчки:

*На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно*

– Пастернака любите? – спросила она, все также наблюдая за мной из-под все той же ироничной, но доброй улыбки.

– А вы – Платонова?

– Ну, кто же сейчас не любит Платонова?

– Это все равно, что в свое время спросить то же самое о Достоевском.

– Отчего же? – поспешила с вопросом она, почувствовав отставание на шаг.

«Не любит проигрывать, привыкла к победам, а может быть и, наоборот, к постоянному соперничеству. Интересно, с соперницами или с соперниками? Соперники – проще для нее. Они, обязательно множественное число, вечно отстающие от ее смысловых игр – это ее материал. А соперницы – только при необходимости владеть территорией. Так сказать, обязательная программа. Что-то мы сразу с тонких слоев начали. Ни имени, ни прикосновения. Сразу проверочки, вопросики, советики...»

И я промолчал. И сразу же почувствовал, как что-то изменилось. У нее пропала игольчатая ироничность, улыбка стала другой, ровной, открытой.

– А что вы прочитали только что у Пастернака? – спросила она тихо.

– Стандарт. «На свечку дуло из угла, и жар соблазна...» – слова произносились легко, их не нужно было читать.

– «...вздымал, как ангел, два крыла крестообразно...»

«Читала? Скорее всего, затерзанный клип видела...»

– Многие смысл этого четверостишия не правильно понимают. Вся суть в «крестообразно», а не в «жаре соблазна». Кстати, мне тоже нравится Пастернак, – опередила она меня и впервые взглянула без улыбки.

Эффект был поразительным. Но меня спас стук в дверь.

Заглянула проводница в голубой форме, но не молодая, – лет сорок-сорок пять. Сразу растянулась в улыбке, назвала нас «голубками», спросила, где соседка-подруга, предложила чайку-кофейку.

– Лучше шампанского. Сможете? – спросил я.

– Конечно! И шоколадку соорудим, – проводница была само радушие, которое не пропало, даже когда она прикрыла дверь.

Тишина проявилась как-то сразу. Поезд стоял на какой-то станции.

– Я переоденусь, – тихо сказала она вставая.

– Я выйду сейчас...

– Не надо. Зачем?

Она уже расстегивала и снимала пиджак, потом блузку. Молния на обтягивающих брюках ушла вниз, и красиво обнажились кружевные оливковые трусики, через которые явно просматривались волосы лобка. Снимая медленно брюки, она посмотрела на меня, чувствуя, что обнажаемое нравится. На левом бедре, была татуировка – искусно выполненный цветок орхидеи.

– Вы хорошо смотрите, – улыбнувшись, она присела на диван, нагнулась, расстегивая застёжки туфель.

– Вы хорошо выглядите, поэтому хорошо смотрю.

Груди её красиво обнимались второй частью кружевного комплекта, и я невольно задержал на них взгляд. Она расстегнула застёжку спереди.

– Нравятся? – опять подловила она мои глаза. – Только не молчите, я знаю, что у меня красивые груди.

– Да. Если знаете, зачем спрашиваете?

– Женщине важно не знать, а слышать это от мужчины.

Она встала, чтобы надеть шорты и коротенькую майку с большим вырезом, оголявшую впоследствии то одно плечо, то другое. Майка была короткая и открывала моему взгляду аккуратный пупок с блестящим в нем камешком. Девушка опять забралась с ногами на диван.

Забегала проводница с шампанским, стаканами и шоколадкой, отсчитывая сдачу, внимательно заглянула мне в глаза, и удовлетворенная ушла, снова аккуратно прикрыв за собой дверь. Световых оазисов уже не наблюдалось – солнце зашло. Я впервые за все это время встал, подошел к окну, раздвинул плотные шторы. За окном сразу же забегали деревья, поля, озерца и лужицы. Небо до горизонта было высоким и без облаков. Я сел за стол возле окна, продолжая смотреть на мелькающую зелень.

– Вы угадали мое желание...

– Какое? Впрочем, я знаю.

– Откройте шампанское, – подсев к столу, почему-то севшим голосом произнесла она.

Разливая шампанское, я подумал, вернее, почувствовал, что называть ее на «ты» мне не придется. Иногда появляется такое предчувствие будущего, некоторые картинки, возникающие спонтанно, как реакция на мало кем замечаемые незначительные мелочи, ни на что не влияющие, кроме... кроме будущего.

В будущем я уходил, не оборачиваясь, сохраняя в памяти ее черты, ее движения, ее голос, ее запах. Образ, «рожденной Пастернаком».

А сейчас я разливал шампанское и, казалось, что впереди...

...ее взгляд и улыбка одновременно с первым глотком,

...ее рука, опустившаяся в мою руку,

...ее приближающиеся губы и касающиеся моих, улыбающиеся сначала и жадные потом,

...ее кожа, чутко реагирующая на малейшее прикосновение,

...ее страсть и способность предугадывать и движение, и желание, и мысль.

2001 год, апрель

На расстоянии или День сурка

В соавторстве с Marla

Встретить свою способность думать по-другому. Встретить себя, читающего слова наоборот. Подумать до того, как ощутить желание думать. Знаешь же, что быть снова в обойме нашего быстрого века непросто. В нее нельзя просто шагнуть, после того, как выпал, пусть и случайно. Дилижанс понесся дальше, а ты только смотришь и шуришься от пыли, садящейся рядом с тобой и на тебя. Сидишь за столом, смотришь в окно, за которым ранний декабрьский вечер. Перебираешь пальцами ее брошь – белый металл и несколько бриллиантиков вразброс. Света минимум, только для того, чтобы различать вечерние тени и думать. Опять нужно вспомнить. Опять нужно вспомнить... только для того, чтобы забыть. Бывают такие вечера. Когда нужно угадывать. Машину – по шороху шин по снегу во дворе. Снег – по мелькающим снежинкам в луче дворового фонаря. Тепло квартир – по желтому свету из окон. Птицу – по скрежетанию когтей при приземлении на жестяную крышу.

Вкус *cinzano*... по памяти?

Я уже спрашивала... и снова спрашиваю... снова. И вижу все.

Ну и о чем мы с тобой сегодня будем говорить? Если учесть, что я зайду в ту же кофейню, в которую зайдешь ты. И время должно совпасть. И желание. Ведь всегда есть способ сделать вид, что не видишь ничего, что читаешь книгу, что смотришь в окно. Правда, там может не оказаться ни окна, ни книги, но всегда ведь найдется повод смотреть не в эту сторону. Хотя и смотреть ни к чему. Я все уже знаю. Потому что странным образом все помню. Помню до того, как случилось. Помню, как происходить будет...

Комната, телевизор пятном в темноте, человек спиной, смотрит в окно, рука гладит пахнущую псиной шерсть английского бульдога. Дети спят. В стакане на столе молоко. Ну ладно, можно вино. Красное. Дорогое. А в букете он не разобрался. Цена говорила о качестве. Все вокруг респектабельно. Диван. Даже оставленная на полу игрушка. Или с ней играл бульдог? Сын и дочь. Как хотелось. И, может, будет еще один. Жена... да, она необыкновенная. Она читает в спальне. Она очень красива. И они играют в постели. Катаются на горных лыжах. Ездят по стране и за границу. Навещают родителей. У него все сложилось так, как он хотел. Он нарисовал в голове план, когда ему было двадцать. Он почти все исполнил, а теперь дорисовывает так, чтобы придать проекту художественную ценность. Чтобы чуть-чуть сумасшествий, чуть-чуть эстетства, еще можно.

Он рисует.

Вечер родился твоим письмом. Вечер сказал, что опять все пойдет по кругу. Вечер обещал только одно: я тебя встречу, да и то не очень точно.

Я поехала к мексиканцам.

Вчерашнее желание додумать, дофантазировать то, что есть на самом деле, пропало. Письмо готово. Оно сидит и пока не просит выхода. Пусть придется зайти в ту же самую кофейню «Coffee Bean», в которой уже будешь ты. Пусть. И даже чашка кофе, вкусного, душистого, но остывшего, будет мне наградой за возможность прикоснуться к твоей тонкой руке, протянувшей мне эту чашку. Глаза, опущенные все время и поднятые вдруг – темные разверз-

нувшиеся зрачки впиваются – до одури приятно и жжет. Потом молчание на полчаса. Скучные глазами и ртом, гламурными движениями рук, утончением линии губ и носа...

...Узнать себя, идущего по улице, захотелось не сразу. Замерз. Пивка бы кружечку с солеными сухариками. И осталось бы только запахнуться в кожаное пальто и убрать со лба капли дождя. Но дверь в теплую привычную кофейню оказалась запертой. Проведя пальцами по табличке «закрето», развернулся на месте и застыл.

Куда? Дождь был не сильным, морозящим. Давил своей обволакивающей пеленой, забирающей в грудь мокрой безысходностью, дарил перспективу мокнуть дальше еще, по крайней мере, минут двадцать. Столько предстояло ехать домой в пропахшей сыростью маршрутке. Перешел через дорогу, пропуская бегущие, почему-то не спеша, иномарки, представил теплоту внутри этих машин. Вскрутился откуда-то снизу холодный озноб удовольствия.

И куда дальше? В такую же мокрую, темную, пустую квартиру? Э-э... Нет, лучше под машину! Усмехнулся. Жалко усмехнулся и сделал шаг на проезжую часть. Нога сразу же провалилась в какую-то дыру, наполненную водой, и я ушел почти по пояс в желеобразную массу из снега, грязи и воды.

Упал? Не понял сразу.

Дальше все произошло быстро. Бешенные галогенные фары ослепили и впились прямо в лицо. И в следующую секунду тупой сильный удар в плечо развернул вокруг. Возникло ощущение полета и падения вниз. Последнее, о чем удалось подумать – не захлебнуться бы...

Я поняла вдруг совершенно отчетливо, что ты не относишься к братии человеческих существ – они так не умеют. Ты обволакиваешь туманом улицы, рождаешься афишей около непонятного кинотеатра, возникаешь напротив меня в кафе, пальцы твои рвут воздух и слова оседают толстым слоем в моем мозгу. Я уже даже не чувствую себя, теряю черты своего я, я – это уже почти ты. Вдруг обнаруживаю, что прошло почти два года. Два года, призванные стирать тебя потихоньку из моей повседневности, но они только четче вырисовывают твоё присутствие вокруг. Правда, есть вариант, что это Город разозлился, и принял твой облик, в отместку за мою неприкрытую неприязнь к нему лично. Это Город пропитывает тобой туман, имея в запасе множество твоих черт, ведь ты тоже жил в нем и живешь, как и я.

Фотография: твой бессмысленный взгляд в объектив, запечатленный момент, ты обнимаешь меня, я глажу твои темные волосы (у меня сейчас такие же), и там, в том структурно-временном образовании уже ничего не может измениться. Отвратительная вещь – эти кусочки бумаги! Это все равно, что читать книгу, заглянув в эпилог. И что странно, завершение всегда нудно и тягуче. Больно. Всегда больно. Вот мы стоим, вдохновленные друг другом и нашим общим «я», нашим единым Городом и пониманием, но я уже вижу те фразы, которые мы говорим друг другу сейчас, сидя в этой проклятой «Москве-Берлине», в которую я хожу только вместе с тобой. Я не отваживаюсь заглянуть туда в другое время, в одиночестве или в компании, потому что нежеланных совпадений и так слишком много, чтобы создавать их искусственно. И все становится до одури непонятным и нелепым, я уже не чувствую границ, а может, их просто нет. Не могу понять, то ли я сейчас – это ты тогда, то ли я сейчас превратилась в тебя настоящего и живу твоей уже жизнью, то ли не я это уже.

Произошла и происходит какая-то невообразимая реинкарнация, с той лишь разницей, что ее пока осознаешь. Будто меняют твою личностную принадлежность без наркоза в виде стертой предусмотрительно памяти. Например, Рафаэль. Ты, конечно, помнишь его. Он, который по определению должен был любить меня так безнадежно и постоянно, вдруг становится неуправляемым своенравным человечком и не желает знать вообще обо мне. Он же тебя всегда ненавидел! Тебя... или меня?

Я худею. Все время худею, очевидно, чтобы внешне достигнуть твоей прозрачности и изломанности. Я читаю твои книги, которые могли бы вызвать отклик только в тебе. Причем абсолютно уверена в том, что я воспринимаю эти строчки твоим сознанием, я ем их твоим сознанием, откусываю кусочки твоими губами и чувствую тот вкус, который ощущаешь и ты. Это клонирование при жизни. Когда изменяешься в течение двадцать первого года, приобретаемая совершенно иные черты, это неправильно. Это не может быть. Я как будто учусь с нуля. Учусь носить тебя в себе, причем не как инородное что-то, а как свою новую начинку, свое я.

И вот мне уже нравится девушка, которая понравилась бы и тебе. Я знаю. Я не испытываю ревности к ней. Я просто готова ее любить от твоего имени. И «Coffee Bean» уже стал чужим для меня, потому что твое нежелание пить вкусный кофе в этом почти пражском по ощущениям кафе угнездились теперь и во мне. Я становлюсь мягче, уже умею идти на твои компромиссы.

И не принимаю свободной любви...

Теперь бы вспомнить то, что было до этого. До палаты с ее тенями бессонной ночью, до мыслей бешено гоняющихся за предательницей – одной, которая спряталась в самый дальний уголок и трясется от страха, медлит – расправы не хочется никому.

Оказался в больнице я, а должна быть ты. Оказался на пути сопротивления я, а сопротивлялась всему этому ты. Смотрел на больничный потолок я, на тени от уличного фонаря, отброшенные голыми деревьями, шатающимися, как пленные за решеткой, в сомнамбуле, ища пристанища. Бились в судорогах, беспричинных. Мне казалось, беспричинных. Тихо. Ветра не слышно. Только в окошко: тук-тук. А ты? Может, ты и была ветром за окном. Или простынею на мне. Или пронзающей позвоночник болью...

Ты помнишь, как все началось?

Я с женой зашел, как потом оказалось, в твою любимую кофейню «Coffee Bean». Не помню, зачем. Обычно мы не ходили с ней по таким заведениям днем. Есть дом, есть «Davidoff», есть уютность и состояние покоя. Прислушиваясь к Cohen'у, ссылая в треуголку стекла лед, доливая из металлического бочонка взвесь martini, проводя указательным и средним пальцами линию от расслабленной шеи до ложбинки между почти освобожденными...

Ты сидела одна. Я тебя сразу увидел. Тебя не возможно было не увидеть. Зачем все остальное, если есть твои глаза?! Вычерчивать профиль, обрисовывать контуры тела, выводить цветовые оттенки сочетания и противоречия, строить убегающие сопоставления и гармонию. Зачем? Когда есть глаза. Есть ты.

Я как-то понял вдруг отчетливо и сразу, что ты не можешь быть похожа на других людей. Я как-то вдруг понял, что все, что было в моей жизни до сих пор, выцвело и потрескалось в эту секунду, растянувшуюся с помощью замедленной съемки памятью на часы. Она крутилась в моем мозгу с пагубной цикличностью и завидным постоянством, то, ускоряясь, то, затормаживаясь, почти останавливаясь. Если бы ты не смотрела на меня, все было бы по-другому, но... ты смотрела. Не отводя глаз и не моргая. Смотрела, пока мы с женой шли по проходу между столиками, пока я отодвигал стул, брал ее легкое пальто, говорил ей на ушко, что «хорошо, что мы зашли...». Я шел, казалось, очень медленно и долго к своему месту, садился, брал зачем-то меню, запоминая входящие в меня восторг и освобождение. Официант загордил на секунду тебя от меня, и стало пусто. Я отдал ему меню, и – «принесите десерт по своему выбору» – он сразу ушел. Легкая улыбка кончиками губ – мы соприкоснулись. Ты смотрела, убивая меня и мои мысли, мою волю, мой разум на ближайшие два года...

Открылась дверь в палату. Полумрак ее разбавился свежим светом из коридора. Четкий темный силуэт в проеме. Медлительность, а может нерешительность и ожидание приглаше-

ния. Поднятый воротник черного кожаного плаща, надвинутая на лоб шляпа. Шляпа мужская, а лоб, точно, женский. Шаг внутрь, щелкающий звук каблуков по дереву. Дверь прикрыла медсестра...

Свет с улицы наконец-то осветил ее. Появившиеся из карманов руки, тонкие длинные пальцы, медленно развязывали пояс на плаще. Характерный запах кожи и тонкий, почти неуловимый, вместе с уличной свежестью, запах дорогих духов перемешивался, крался, дарил себя. Правая рука двинулась вверх, шляпа была скинута назад: рассыпались роскошные русые волосы, сыпались и сыпались, пока не были остановлены движением головы чуть вверх и влево.

– Как? – Голос ее гармонировал с запахом кожи, духов и... шорохом в палате и за окном. Чуткость показалась правдивой.

– Нормально, – сказал я, осматривая перетянутую ключицу, руку в гипсе и прислушиваясь к боли в ребрах и позвоночнике.

– Я посижу?

Естественно не сказать в ответ ничего, хотя ее машина могла бы быть аккуратнее вчера вечером. Откуда-то я знал, что именно эта женщина управляла вчерашним светом встречных фар и дикой моей болью потом.

Ее волосы похожи... так похожи... на волосы моей жены.

И сто-неизвестно-какая чашка кофе с заменителем сахара все равно не поможет. Одиночество раздражается истерическим хохотом, потому что попытки бороться с ним одна за другой терпят крах. Горстка снотворного на ладони – так хочется избежать всего навсегда, только сил опять не хватает – оставляешь все равно эту маленькую лазейку, ведь слишком хорошо знаешь все о дозах и граммах.

Все просто. Кожа изуродована бесчисленным количеством шрамов. Нет, если надеть глухой свитер или платье с воротником, то все нормально – мне предлагают встречи и биллиарды. Но ощущения просто так не опишешь и не спрячешь под одеждой. Я чувствую себя, как скорлупка ореха с зелеными листиками, которая знает, что внутри гниль. И все нечестно – как отвратительная конфетка в красивой маскировочной обертке. Не обманывать! Ты не имеешь права, чтобы они потом друг другу на ушко, или в голос, с ехидной улыбкой. Я не имею права. А играть без логики завершений не интересно. И опять кофе. Бесконечная история с самоизведением. А теперь сто-неизвестно-какая сигарета.

Постепенно понимаешь, что заколки, помады, длина ресниц и даже узость щиколоток теряют смысл и значение в твоих же глазах. И врачи оптимистично сверлят тебя взглядом, чувствуя денежные перспективы, но ты-то знаешь, что бесполезно... все бесполезно. Остается только воспитывать, откармливать равнодушие, как домашнего зверька, и желать, и сходить с ума от навязчивости идей и попыток. Кошунство, но лучше СПИД, лучше рак, язва желудка, но только бы внутри, незаметно и быстро. Вот теперь завожу тени под глазами в качестве других домашних зверьков. Зоопарк, прикладная зоология для изможденных поиском коллекционеров. Новое, уже исчерпавшее себя заранее, развлечение. И сто-неизвестно-какая чашка кофе со сто-неизвестно-какой сигаретой: по очереди, вместе, отдельно, вариантов немного.

Зима скоро будет: в шкафу шубка из длинного игрушечного искусственного меха. Красивая. Только все равно не поможет. Но обрадует на какое-то время.

Вопрос, который занимает перспективами ответа: когда надоест действительно все? когда не будет желания носить маскировочную скорлупу? Скоро... Точно определяю по стремительности локально-предметных надоеданий.

Я рисую. Рисую тебя по памяти, остановив свою машину посреди бетонной развязки. Это уже на следующий день, утром, когда ехал на работу, еще ничего не зная о тебе, памятью, пустой и холодной, я затыкал дыры подсознания, кричащего и рычащего на пустоту. Полосовали черствые и грубые ручные звуки: проносающиеся машины, взлетающий самолет, барабанный ветер...

Замер за столом. Невидящими глазами смотрел на секретаршу. Куда? Кого? И когда я достал из ящика бутылку «Martell» и, ни на что не обращая внимания, хлебнул прямо из горлышка, она ушла и плотно прикрыла дверь.

Оставалось только кофейня «Coffee Bean», выкручивающая нам обоим пространство, мысли и время, как руки. Опять машина, опять улетающее время и нанизывающиеся на память мелочи – почему-то пошел дождь, хоть и светило яркое солнце, пробки рассасывались буквально передо мной, причем застаревшие, с потными и издерганными уже водителями и пассажирами, запахло грозой...

Знал, не догадывался, не надеялся, а знал, что ты уже там, за своим столиком. И ты не удивилась, когда увидела перед собой меня, ни когда я стоя смотрел на тебя, ни когда сел и взял в руки твои теплые ладони, подрагивающие и покальывающие меня накопившимся электричеством ожидания. Ты читала своего Кортасара, странички заломились, зашелестели, но руки мы не разняли. Это потом Кортасар станет заменять меня снова. Позже. Когда ты не сможешь меня делить ни с кем, когда патетические панегирики станут постоянным началом наших бесед, когда эти панегирические акценты сначала с доброй, потом с язвительной, и, наконец, злой иронией в отношении любой женщины, возникающей на моем пути, будут скрывать наши встречи льдом упрощенства и дидактической ненависти... на пять минут. Пять минут ада и дальше несколько часов привыкания друг к другу заново, натываясь, при этом, на заточенные металлические стержни оголенной кожей желания обладать, как вещь. Желание обоюдное, только я лучше его скрывал. До тех пор, пока было что скрывать.

Но это потом. А сейчас я снова тебя рисовал. Пальцы очерчивали твоё такое изоощренно исковерканное красотой и плавностью линий лицо: оно отвечало пальцам – губы... ресницы... волосы. И исчезало, пропадало под чувством, растворялось. Дикое желание нарисовать прикосновение, то, первое, одновременно легкое и такое всеобъемлющее, объемное, бьющее сознание больно и прямо в лоб. Мы вышли из кофейни... навсегда. Память не имеет сослагательного склонения.

Неужели я это ей говорю? «Ты такая необыкновенная! И, эта темно-вишневая помада делает такими четкими контуры твоего лица, а светлые волосы, будто что-то несуществующее. На руки я не смотрю: впечатления портятся неаккуратным маникюром и легкой пухлостью, детскостью пальцев. Ты так красива. Ты не умеешь танцевать. Ты пьешь пиво, у тебя вечно нет денег». Слова какбы-между-прочим, но впиваются.

И думаю. Или это я думаю... за тебя? «Я беру тебя с собой игрушкой, которую можно кому-то показать, произвести тобой впечатление, большего уже не надо. Только легкий привкус интриги. Уже почти неинтересной. Уже не новой, уже поднадоевшей. Ты – типичная потребительница, хоть тщательно скрываешь это». Ты... ты. Вы. И я.

Я в процессе раздумий. Придумываю игру с тобой в главной роли. С вами? Тебе будет больно. И ей? Но самое забавное, что вы не предчувствуете подвоха.

И массы людей вокруг, похожие на манную кашу. Липкую такую, противную. Вот вырвала из потока не-до-зимнего сегодняшнего утра книгу Кортасара с рассказами... и Берджеса «Заводной апельсин»... и Павича «Хазарский словарь»... и еще... но все равно мало,

все равно не хватает! Все равно съем их быстро и опять потеряюсь, опять заплачу. С утра я напоминала ребенка, визжащего от ужаса, слезы фонтаном. Врачи опять сделали свое неприятное дело: объяснили мне доходчиво, что шансов нет, и котеночком называли, и лапочкой. Ненавижу их! Хоть бы раз обманули. Но, это так, эмоции. А книги купила себе в качестве той спасительной карамельки, которая помогает, пока вкус ее ощущается во рту. Нет сил. Все выматывает до одури.

Мы отдавались друг другу. До одури. Как потом и выматывало все до одури. И странности, и желание былой остроты, и иногда пограничные состояния беспомощности перед уходом, тихим и кричащим шепотом. Прочь!

Первый раз у нас не получился. Я его совсем не помню. Она говорила, что ей было все равно, запомнит она его или нет. Помешательство с полной потерей контроля и памяти сначала нас не пугало. Это было как в темном лифте, который сорвался и падает вниз. И где-то там, в почти самом-самом низу срабатывали аварийные тормоза. За мгновение до смерти или боли.

Это могло быть где угодно: на лестнице у меня в офисе, в подсобном помещении «Москва-Берлин», куда мы переселились из проклятой «Coffee Bean», в поле возле машины, не успев отбежать и пяти шагов от шоссе, в экскурсионном трамвае позади кондукторши, дремавшей или делавшей вид. Почему-то водители такси всегда оборачивались, как только, казалось бы, беззвучные поцелуи пускали под откос очередной товарный состав собранного и погруженного времени ожидания нашей встречи...

Тебе стало казаться, что я отдаляюсь, хотя ничего не поменялось, не изменилось. Только прохладнее стали вечера и темнее ночи. Того, что было, стало не хватать. Желание загордиться мой мир своим, сделать свой мир прозрачным, тонким, но прочным и липким, двигалось от образа к мании. Остановиться не хватало ни сил, ни возможности, ни у меня, ни у нее...

«Она заболела. Все просто. Рак крови. И желание уйти». Дико выл пес внутри меня! На луну. Постоянно. И стояла ночь. Поэтому я спал днем.

Так вот, я поехала к мексиканцам, в это маленькое мексиканское неизвестно (известно! ассоциативный ряд его таким создал) почему кафе. Пальцы дрожали, когда я садилась за стол и закуривала первую в этот вечер сигарету. Напротив сидел Фидель (Кастро?) Такая, интересно, этимология. Надо будет спросить. Человек, назвавший меня «Мией», что я приняла с восторгом, играл. Он играл acid-jazz, который по мере действия моего алкоголя превращался в dub... наверное, dub... я стала успокаиваться и пить виски-джин-мартини, все один к одному... мне становилось тепло, а Вы – два извечных воплощения друг друга – опаздывали, на большое количество минут, я злилась напоказ, собиралась уйти с мексиканцами, совершенно ненастояще собиралась.

А человек, называвший меня «Мией», смеялся и говорил: «ты такая сегодня хорошенькая!» (а голос у него такой вельветовый, но смех исключительно болезненно-неприятный). Я знала. Я это знала. Рубашечка серого цвета, черный маленький свитерок поверх нее, волосы непонятно как запутаны (лишь бы не мешали), кольца – серебро, часы – игрушка, ботинки цвета cherry-red с темно-коричневым, такие, как у мужчин – танцоров степа, только носы круглые, невероятно мохнатая шубка, похожа на зверька, если ее сложить в углу (зоопарк продолжается!). Да это неважно, детскость была внутри, но не глупая, а трогательная такая, когда тебя хотят погладить по голове, обнять, никакого эротизма в прикосновениях чьих бы то ни было пальцев, только не педофилов (сама себе незаметно улыбнулась). Фидель рисовал инопланет-

ную рыбу вместе со мной, Фидель смеялся моим глупостям, Фидель улыбался на мои какбы-между-прочим-танцы, я была в полнейшем восторге и уже решила, что еду с ними на студию, может, наберусь смелости и спою что-то вроде: «this sour times...», что-то, пахнущее кокаином и старыми машинами, такими, как Mercedes 1935 (?) года выпуска.

Но тут... (черт возьми! вечное это «вдруг!»), Вы на сцене. Спасибо режиссеру, спасибо костюмерам, спасибо актерам. Всем, одним словом, спасибо. Потом какое-то время мы существовали параллельно за соседними столиками, и каждый из Вас по очереди ворвался в мое пространство, я защищалась с помощью испытанных методов. Мы уезжали, несколько раз. И в итоге твоему непонятному существу удалось уволочь меня в свою норку. Или это я пыталась тебя уволочь? Как смешно! Волоочь то, что нельзя, во-первых, схватить, а, во-вторых, не хватит сил нести.

Но я нашла способ, сообразуясь с твоими понятной природы желаниями, оказаться вдруг у тебя дома, смотреть, не открывая глаз, знать, что все здесь ты. И даже Бьорк... (механический жест, несколько искренних фраз, перебираешь мои волосы... спина, руки, волосы, ресницы... и дрожь по спине) Бьорк с ее вечной истерикой не заслонила тебя. Неужели так можно чувствовать прикосновения? Такое немое кино. Черно-белое, пошловато-наивное, но от этого не менее сладкое. И с самого начала придумывание предлога для «сбежать». И бежать-бежать-бежать. Засыпать в такси, терять связь с тем, что вокруг. Чувствовать невыносимую смесь запахов духов и сигарет. Восемь утра. Никого нет, кроме тех, кто убегает, как я. Думаю, ты заснул одним из тяжелых, грозящих усталостью и похмельем, снов, которые не дают отдохнуть, но не дают и думать, что хорошо. Все. На этот раз все. Дальше известно. Только чуть изменятся декорации.

Играю еще раз... 83—13—сверху... «Two-nineteen took my baby away...» Развязный, разнузданный блюз... так и было. Похоже. Очень.

Вот и твой дом – соседний. Только так измотало бесконечное счастье, что смысла уже не имеет. А я не имею сил. Устала. Так и рождаются, наверное, компромиссы и семейная жизнь становится такой, как у Кортасара в «Потоках», да и то, еще слишком красивой. Меня, скорее всего, защитили от сближений этой уродливостью. Только до первых касаний, потом – бежать. И разыгрывать непостоянство характера или же просто резкость.

Твоя усталость во мне. Такая же жалкая и беспомощная. Такая же пластилиновая. Было забавно, но, не поддерживая контактов, все равно тебя потеряешь. Навыки устаревают, как бытовая техника. Их надо рождасть заново после перерывов. Механичностью, набором банальных занятий можно убить все, что захочется. Даже не заметишь, как это произойдет. А когда вдруг спохватишься...

Твои отношения с моей женой – целая история, подпернутая легкой шизофренией. Так получилось, что познакомил вас я сам. Получилось почти случайно, на улице, лоб в лоб. Мы заходили в бутик на Красноармейской, ты выходила. Столкнувшись – замерли. Я и ты. Жена же замерла за компанию. «Привет!» «Привет...» «Это мой... консультант по сделкам на бирже» «О! Скоро будем богатыми...»

Потом выбирали тебе платье для коктейля. Ты же попросила совета. А это на полтора часа умилительного общения на грани, опять на грани. А потом – ужин у нас дома. Вы так хорошо подружились. Внешне. А на самом деле, давно уже все поняли. Только я один все еще держал дистанцию и обнимал вас только вместе. Ваши секретничанья одновременно заводили и охладили. А ночь, когда ты была в нашем доме! Конечно же, такси вызвать уже нельзя было – половина двенадцатого ночи. Такая поздняя ночь. Ужас. Ну да, еще утро. Ты в пижамке жены. За столом на кухне в полседьмого. Так рано в этом доме вставал только один человек – я.

Доливая молоко тебе в хлопья, я целовал тебя в шею, страстно изогнувшуюся от бесконечной изматывающей ночи ожидания...

Что это было? Тихо, только тихо. Не спеши. Она услышит.

Сущность... сущность. Открыть книгу. Игра же придумана. Начали! «Он знал, что красное пятно не сможет осветить ни положение вещей, ни возникшую перед ним дверь, но оно проливало свет на другое, на нечто, что помогало ему без блужданий и ушибов пройти мрак, – красное пятно светило в будущее». 117—13. Павич. «Пейзаж, нарисованный чаем». Так и тянет потеревить свою боль изнутри... flash back... вспышка... назад... фотки... открытки.

77—21. Ага, «Марта ни в чем не виновата, с точки зрения юриспруденции». Это точно. Смеюсь. Про себя, но искренне, грустновато так смеюсь.

Маршируют идейки в голове, как плохо вышколенные солдатики. Топают, напоминают о себе. Иногда внешний шум заглушает их топанье, но чаще – нет. И так забавно: сама выдумала, сама завела, а теперь справиться не могу. Воюют со мной же, в меня же стреляют, меня же мучают. А я сдаюсь, потому как просто сваливать проблемы на что-то непонятное. Даже на чуждое, инородное. Вот вторглось внутрь, как болезнь или беременность, и растет.

Топают. Прислушалась. Идут непонятно куда. Пусть.

И не надо. Забывать легче, когда знаешь как. Особенно, если у тебя появляются они. Те, которые забирают тебя по частям. Один одну, ту, которую я искал две недели. Второй другую, ту, которую ты спрятала от меня специально, но я ее нашел. Третий... а вот третий молодец! Раскопал ту часть, которую мы прятали когда-то вместе, помнишь? Старательно засовывали ее крючочки и кнопочки в образовавшуюся щель отчуждения... пусть и на те самые «пять минут ада», но...

Помнишь. Я знаю, что помнишь. Ты не способна забыть то, что ты так старательно спрятали, словно перепеленала.

Книги. Ты так стала много читать в последнее время. Ты раньше читала так много? Пресловутый Кортасар. А твой Павич. Что ты в нем нашла? А Берджес... «Заводной апельсин». Я прочел его. Ты сказала – я прочел. Шизофрения, пограничные состояния. И понял тебя. Как-то сразу. Не уснув до утра. Понял, насколько все серьезно... было. Насколько узким был вход в тогда еще неосвещенную пещеру чувства, настолько широким оказался выход из уже горящей светом и красками страны подземной и отсвечивающей выросшими вдруг сталактитами и сталагмитами. Свет рождался поиском лучшего отражения. Зеркальность стен мы заметили уже потом, позже. Когда остались в той пещере одни... вдруг. Прохладно стало, помнишь? Я снял джинсовую рубашку, а ты сказала, что «рубашку не снимают, лучше обними». Целуя твои губы, чувствуя твои доверчивые пальцы на груди, мне казалось, что это последнее...

Читая, ты забывала, что где-то есть я. Нет, не забывала. Ты переносила меня в книгу. И приходила туда сама. Получалось, что мы не расставались. Почти.

Твои миры. Ты их сочиняла, ты их создавала. Часто находясь на грани, ты забывала и обо мне. Оставалось только узнать, что ты уже не со мной. Врачи удивились: даже наиболее стойкие материалисты, даже те, кто не удивлялся чудесным выздоровлениям уже десять лет.

Что же это было? Что это могло быть? Хорошо, что ты здорова. Ты выздоровела одновременно с появлением нежелания узнавать ежедневно новую муку, дополнительно к «пяти минутам ада и нескольким часам дальнейшего привыкания».

Ты разлюбила. Боль оказалась сильней и победила. Боль перехлестывала через дебаркадер защиты от размывания мелочами и суетой, и точила, подтачивала, казалось бы, прочное и высокое. Неужели так просто? Снять кожу, вывернуть, высушить и надеть снова. Как одежду.

В предвкушении денег, ожерелья из бусин и серебра (авторская работа!). В предвкушении избавления от боли. Все по кругу. Конец месяца. Почти конец жизни. Каждый месяц конец жизни в двадцатых числах. Ароматы японца еще на пальцах. Еще на запястьях. Оденусь в них завтра. И ожерелье. Ошейник. Приду твоей собакой. Своенравной, но такой домашней и мягкой. Приду. Если все сложится. Если... Если. Условности нас поймали.

Плоские подошвы босоножек – застежек. Джинсовые ткани. Белая маечка. И блестящие каштановые волосы. Лохматые. Не расчесанные. Но все спланировано: игра в стиль теряет смысл, но без нее неудобно. Уже придумала другой имидж. Все больше молчу в твоём присутствии. И даже к телефону рука не тянется. Подумаю – лень. И все, и все по местам становится, когда ничего не предпринимаешь.

Сigaretами утомила себя до безобразия. Все это от нечего делать. Жду, тороплю время, а оно заснуло ребенком там же, где резвилось недавно. Там, где было обозначено ярлычком «настоящее». Медленно. Так всегда, когда ждешь. Ожерелье тоже, наверное, устало ждать моих пальцев там, под стеклом, в магазине. Или ему не понравилась моя кожа. Такое бывает: вещи могут не любить тебя и всячески это демонстрировать. Но я-то человек, у меня больше возможностей. А значит, по отношению к ним я сильнее. Посмотрим, как сложится наш «роман».

Выписываясь из больницы, я даже не выглядывал в окно. Машина, русые волосы, тонкие руки, дымок и запах, все угадывающая улыбка, предопределяющая ситуацию и перспективу. Так легко...

Страх... извечный, долгий-долгий, как карамель, растаял, прилип... и ничем его уже не отчистишь.

Хитрое море

А помнишь в Лягушачьей бухте Коктебеля?

Началось с того, что я попросил тебя все снять, искупаться, прижаться ко мне и поцеловать. Ты воспротивилась «грубому нажиму», побурчала, поругалась, сказала, что «никогда!» А потом? А потом, через некоторое время, когда полежали мы и позагорали, ты сделала все, о чем я просил! Но уже от себя. Сама сняла лиф, а потом и трусики, искупалась совершенно голой, хотя до этого, говорила, что «в этой холодной воде купаться невозможно». Прижалась, поцеловала... сама – красивая, эротичная, вкусная, легкая, душистая... врединка. А я лежал, усмехался, наслаждаясь тобой, любящей и любимой.

Помнишь? Опять очередной катер с экскурсионной группой и голос, усиленный мегафоном:

– Кара-Даг... язык каменной лавы по восточному хребту, медленно, остывая, сползал в море... это крупнейшее образование лавы в Крыму...

От этого голоса уютность. И от тарактения мотора маленького перегруженного катера – спокойствие. Его постоянные появления перед бухточкой сначала раздражали, потом стали приложением к Кара-Дагу, а вскоре без него уже не дремалось, как будто чего-то не хватало. И представлялось, что внимательные экскурсанты больше рассматривают не самый большой язык лавы в Крыму, а тебя, такую доступную солнцу, морю, ветру и мне, но недоступную им, застывшим с биноклями.

Я глажу тебе спинку, ложбинку позвоночника внизу, ерошу волосы, прислушиваюсь к звукам Кара-Дага в отдалении, звукам моря, перебирающего гальку и внутреннему голосу сатирика, и думаю о благословенном этом мире, о мире, в котором живет моя, именно моя жизнь, здесь и сейчас. И кажется, что ни другой жизни, ни другого мира не нужно. Более того, они не существуют, не должны существовать по простой такой причине, что не зачем. Все, что мне нужно, у меня уже есть – ты, твоя любовь, голубое небо над Кара-Дагом, море, солнце и заснувшее время.

Опять закрыл глаза. Улыбнулся. Разговаривает позади величественно взвившийся вверх гордый своим вулканическим происхождением Кара-Даг – отражает собранные им вокруг звуки: музыку, гудки, шумы, возгласы природы. Опять мегафон экскурсовода – монотонно, ловко, по кругу, но с другими интонациями, немного раздражено и даже где-то зло – достали.

Тепло, но не жарко. Твоя рука гладит мне спину, медленно и нежно перебирая пальцами кожу, как мячик. Придвинувшаяся – теплая и чуткая. Чувствую возле губ виноградинку, беру ее губами, как твою бусинку груди. Хочется сравнить, но не хочется открывать глаза и двигаться. Вкусно. Сладкий сок и косточки. Твои губы путешествуют по спине, руки обняли, более настойчиво, но легко и прохладно.

Грохот камней, прибрежной гальки от проходящих сверху над нами людей каждый раз обрывает состояние, близкое к счастью. Чудные! Разве можно ходить в этом раю? Только летать, шурша и вздыхая.

– А вот перед вами самая протяженная бухта Кара-Дага... – опять экскурсионный катер с уже знакомым голосом.

И мы с тобой в этой самой протяженной бухте, только в самом ее начале, отделенном от остальных с запада огромным валуном, на котором я тебя фотографировал потом обнаженной на фоне вулкана, помнишь? А с востока — почти маленький Кара-Даг – точная копия, только уменьшенная и выгравированная морской солью для подарка нам – карманный наш вулканчик. Со стороны моря там можно снимать фильм о пиратах и разбойниках.

Высоко вверху, у самого подножья горы, пешеходов больше. Они высматривают сверху укромное местечко в бухточках, иногда с биноклями, а потом спускаются вниз на верхнюю

и нижние тропы. Заметил, что прямо над нами, они постоянно останавливались и задерживались. Интересно, что им нравилось больше, наше укромное место возле моря или... смотреть?

Уже почти одни. Вечер.

– А может, еще искупаемся вместе?

Днем мы уже купались. Только заходили в море: ты в почти снятых трусиках, я в почти надетых плавках, а в воде их снимали – волшебным, диковинным, странно, по-детски чисто и одновременно неожиданно возбуждающе! Соитие с природой. Блаженство от переполнения удовольствием до почти крика и ошеломляющих по тонкости и яркости ощущений. Обнимая тебя в прозрачной, почти голубой воде, целуя, доводя прикосновениями губ и пальцами до стона, я ждал твоей просьбы остановиться. Ты смогла подойти совсем близко. Почти.

– Я не выдержу... ты хочешь, чтобы я закричала?! – ее крик, даже стон, даже начало шепота окантовывали бы вырисованную картинку исключительной по красоте природы восточного Крыма и делали бы ее завершенной, цельной.

А потом снова за свой валун. И опять – голые, в капельках, немного запыхавшиеся, но довольные собой, Кара-Дагом, мурашками на коже, вкусом капель на губах домучивали друг друга шепотом произвольно ласковых и нежных слов на ушко. Ты читала вслух «Циников» Анатолия Мариенгофа, а я, наслаждаясь, поедал виноград и кормил им тебя.

А когда ты отложила книгу, начал раздавливать дольки винограда над губами, шеей и соединять образующейся сладкой линией губы и яремную ямку через обострившийся подбородок. Захотелось чертить сладость дальше вниз: груди очерчены концентрическими кругами вокруг напрягающихся сосков, а потом и по ним... одну виноградинку за другой... раздавливал, выливал сок, вел линию... вниз: по животу, по подрагивающему пупку. Повторение языком снизу вверх было слишком вкусным, чтобы я мог остановиться, хоть ты и просила, задыхаясь.

А еще, помнишь?

Ты вытянулась нагая в струнку на гальке ногами прямо в сторону моря. Расслабленная красота твоего тела не отпускала взгляд: казалось специально немного отвернутая от меня головка, закрытые глаза, дразнящие приоткрытые губы, дрожащий немного втянутый живот.

– Ножки раздвинь?

– Зачем?

– Чтобы морю было интересно...

Волны! Шум! Услышало море, обрадовалось.

– Сейчас трусики надену! – пригрозила ты.

Затихло море. Сразу. Испугалось. Спряталось. Только глаз хитрый высунуло, ждет. А ты медленно... ножки, по очереди... вправо, влево... буквально по сантиметру!.. раздвигаешь.

Море застонало, заныло жалобно и протяжно! Как жалко мне его было. Пытка! Ты же от него рядом, но не близко. Даже волной не достанет, даже брызгами. А я ладошку на твой живот положил, пальцами к морю, волосики твои прикрыл, потом сдвинул дальше...

Откатилось море. И небо? И воздух?

Это наша Лягушачья бухта, затаившаяся среди многих других прекрасных бухт Кара-Дага, настоящего крымского вулкана, демонически черного, как будто бы грозного, но такого щедрого и теплого своими тайными бухточками и уголками для нас.

И хорошо, что мы не повторили наш поход туда еще раз. Лучше вряд ли было бы. Так лучше помнить.

Ее убили

– Хватит! – глухой голос Ивана прозвучал освобождением, – дозреет сама...

Казалось, что звук десятков глухих ударов повис в углах обычного подвала городской многоэтажки...

Тяжелое дыхание двух мужчин, журчание какой-то подтекающей трубы и темнота кругом. Только из зарешеченного подвального окошка подсвечивал уличный фонарь, жидко, на излете делая темноту подвала разбавленной. И Иван, и второй – Петр, стояли, отдыхая, и прислушивались, к звукам и возможным движениям внизу. Было тихо. Очень тихо. И тишина казалась липкой, поднимающейся вверх.

– Почему не просто? Между ребер, и все... – тихо проговорил Петр, ощущая привкус крови во рту.

– Так клиент захотел. Не наше это дело.

Петр посмотрел на женское пальто, перекинутое через трубу. На него падал свет с улицы и делал его живым. Дышащим.

– Не надо было пальто с нее снимать, – подумал вслух Петр.

– Замучился бы с ней. Плотная ткань удары гасит. Да и сейчас еще не ясно, – сказал Иван. – Они живучи, как кошки.

По-прежнему, внизу было тихо. Коренастые тени, казалось, застыли, приросли к полу. Когда одна из них решила переставить ногу, послышалось липкое чавканье, словно пол был покрыт чем-то жидким, вязким.

– Она красивая? – спросил Петр. – Я даже не видел ее при свете.

– Зачем тебе? Спать спокойнее будешь.

– Я не об этом. Если красивая, можно было бы трахнуть. Зачем добру пропадать?

– Добру... Ты, Петя, вроде умным считаешься, – Иван закашлялся.

– А что. Трахнули, забили. Все логично.

– Ну, если на нары хочешь, то давай. Еще не поздно.

Иван присел, опять прислушиваясь. Что-то его сдерживало, не давало вдохнуть полной грудью, как это бывало раньше. Ощущение какой-то когтистой дури в сердце давило, скручивало. Оно появилось, когда Ивану показывали её. Она просто шла навстречу, теребя желтый кленовый листок. Мельком взглянула на него, как на встречного прохожего, и этого хватило, чтобы он ее запомнил.

– Так, брат, посвети! – Громко, словно отгоняя сжимающуюся клубящуюся тьму, произнес Иван, и, усмехнувшись, добавил, – сейчас и посмотришь.

Петр вытащил из внутреннего кармана куртки фонарь, направил в темноту под собой.

– Ну? Не работает?

Петр включил фонарь. Нет, крови было немного. Почти не было. Две трубы, большая и маленькая, уходили в пол. Вентили на них, какие-то манометры, счетчики. И лежащее на боку, согнутое вокруг большой трубы неподвижное тело женщины, молодой женщины. Руки были притянуты к лицу и закрывали его до сих пор. А вот ноги... разбросаны, казалось, что напряжены.

Иван, взявшись за плечо, перевернул ее на спину. Голова, руки, распущенные каштановые волосы безвольно упали. Разорванный темно-синий костюм был весь в грязи. Белизна дорогого, почти ничего не скрывающего бюстгалтера ярко отсвечивала, кричала. Из рта и из уха струилась кровь, стекала на шею. Глаза были полузакрыты и неподвижны. Туфлей на ней не было. Один из них валялся рядом с её ногой, указывающей на Петра, а второй... Петр искал его светом фонаря.

– Свети сюда!

- Я свечу...
- Красивая, да?
- Красивая.
- Кажется, готова.
- Иван встал.
- Выключай.
- Все?
- Все.

Две тени прошли через раздолбанную дверь без замка в коридор подвала, вышли в сквозной подъезд и через него к строящимся гаражам. Потом промелькнули у ряда киосков и, выйдя на центральную улицу города, сели на остановке в подошедшую маршрутку.

Клуб VIP в центре города. В интерьере преобладали два цвета: насыщенный темно-зеленый и кричащий золотой. Несколько играющих столов в трех залах клуба были комфортно удалены друг от друга. В этом зале не было музыки, но можно было курить. Официант сливался со стеной и был почти незаметен. На столе только самое необходимое: коньяк, лимон, мартини, сыр трех сортов, зелень, оливки, фрукты. Фирменные сигары с примесью бергамота подчеркивали вкусовые сочетания, текущие и будущие, и делали разговор двух мужчин неторопливым. Оба любили рыбу и поручили повару приготовить фаршированного карпа, а это почти полчаса ожидания. Обсуждались планы на совместную работу, и только работу. Один из них, Павел – банкир, когда-то принял предложение Олега, в то время теневого бизнесмена, и согласился возглавить практически обанкротившийся банк. С тех пор прошло почти пять лет. Банк выжил, как это было ни странно, а отношения Павла и Олега после этого только улучшились и превратились из деловых в личные, почти дружеские. Павел часто приезжал в загородный дом Олега, где Олег с женой Настей принимали его как родного.

Друзья успели обсудить важные для обоих вопросы кредитования нового большого проекта, потом поговорили о поездке в австрийский Грац на будущей неделе. После чего подали рыбу. Олег давно заметил некоторую печаль в голосе Павла и в наклоне головы.

– Я думаю, что подписи Штрэнга у нас почти в кармане, – сказал Олег, медленно расставляя ударения, – а ты... смурной какой-то. Не рад?

– Нет, тебе показалось, Олежа.

– Давай выпьем за Вену, за Австрию, а? Это будет год спокойной жизни. Моя давняя мечта – прекратить гонку за перспективой. Пусть она погоняется за нами. Ну?

Павел помолчал. Подержал в руке рюмку, словно грея содержимое, потом одним глотком выпил и взял лимон.

– Нет, что хочешь, говори, но я вижу. Не в себе ты, – произнес Олег, делая из кусочка рыбы, зелени и сыра маленькое канапе, и отправляя его в рот. – С Мариной все нормально?

От внимательных глаз Олега не ускользнуло резкое движение руки Павла с салфеткой к уголку рта, сразу спрятавшиеся глаза и тут же резко открывшиеся навстречу с появлением морщинки озабоченности на лбу.

Значит, Марина.

– Нет, все нормально, Олежа. – Слова давались с трудом. – Только...

– Что только?

– Только... Мне кажется, что... Перегорело все.

– Два года, Паша, это много, – говорил Олег, привычно освобождая от костей тушку зеркального карпа. – Ты почему не ешь? Отличный карпина! Смотри, ты вот так его – в соус, зеленью сверху и... Вкуснятина!

– Наелся уже.

Они помолчали. Павел еще выпил коньяку, а Олег закончил карпа, и теперь нанизывал на зубочистку кусочки ананаса вперемежку с сыром. Потом бросил в налитое мартини пару маслинок и... зажмурился.

– Ты знаешь, Паша, некоторые любят пить мартини вначале, а вот я в конце.

Сначала он медленно снял зубами ананасово-сырную пирамидку, потом также медленно, не разжевывая при этом, сделал большой глоток мартини. И добавил к этому маслинку, выловленную пальцами из бокала. И только после этого открыл глаза: они показывали неподдельное наслаждение.

– Значит тебе Маринка поперек горла, – выдохнул Олег.

– Ладно. Разберусь.

– Она много знает?

– Много.

Дальше разговора практически не было. Олегу позвонили на мобильный и он заспешил.

– Я забыл совсем. Сегодня у меня с Айгарсом встреча. У него интересная информация по Прибалтике, я тебе потом расскажу.

– Хорошо. Я бы с тобой поехал, но что-то...

– Ты не раскисай, друг. Нам еще работать и работать, – сосредоточенно копошась в черном кожаном портфельчике, сказал Олег. – Что-нибудь придумаем. Сам доедешь?

– Я не пьян...

– Ну и отлично. Все, я поехал. Держи, Федор! – Охранник, отделившись от стены, перехватил ручку уже почти падающего портфеля, одновременно отодвигая стул из прохода для своего шефа. – Пока...

Уже открывая дверь, Олег обернулся. Павел сидел спиной к нему, не шевелясь. Руки безвольно лежали на темно-зеленой скатерти. Он почувствовал, что все рушится.

Познакомились они так: он шел по улице, повернул голову налево, и... остановился. В витрине магазина, откровенно наклонившись вперед, молодая стройная девушка в джинсах и коротенькой белой майке поправляла одежду на манекенах. Она присела на корточки, красиво прогнувшись в поясице, продолжая поправлять что-то. Павел остановился перед витриной. Потом появился рядом еще один прохожий, второй, третий... Девушка, почувствовав взгляд, обернулась. От неожиданности присутствия за стеклом смотрящих на нее споткнулась, и, еле удержавшись на ногах, оперлась рукой о стекло витрины. Тут и встретились их взгляды. Она была смущена, улыбалась, но, не потеряв уверенности, присущей внешне привлекательным людям, воспроизвела некоторое «па» из испанского танца. Застыв с выброшенной вверх рукой, отставленной прямой ногой и гордо поднятой головкой, она с некой лукавой смысленностью и улыбкой победительницы вызвала неслышимые ей дружные аплодисменты собравшихся на улице.

Павел вспоминал это часто. Картинка из двухлетнего прошлого грела его. Может быть, благодаря ей все это и продержалось два года. Секс, секс, секс... постоянный секс налетел, набросился, подмял под себя их любые другие отношения. Выхолащивалось тепло. Иногда по несколько раз в день выхолащивалось. А по-другому они не могли. Какое-то помешательство, наркотическое опьянение наслаждением, пьянство друг другом эти долгие два года, 24 месяца, 730 дней.

...Марина ждала его в своей машине. Красненький «порше» Павел купил ей в первые две недели помешательства. Он многое ей купил сразу, многое отдал наперед. Ему нравились загорающиеся глаза Марины, неисторченное временем правдивое восхищение каждый раз,

как только он разрешал ей открыть очередной раз глаза: кольцо, костюм, телефон, часы, колье, машина... и еще, еще. Сейчас же вряд ли что-нибудь стало бы для нее неожиданностью. Может быть, месяц в деревне под Саратовом или Кордильеры зимой...

Павел открыл дверь и сел рядом. Им не нужно было смотреть друг на друга. Шум улицы отрезался. Стало тихо.

– Ты надолго? – спросила Марина, прикуривая сигарету сама.

– Нет, ненадолго. Час, полтора.

Волнами накатывали предвестники страсти... запах... голос... такой знаковый щелчок зажигалки-брелка. Память.

Павел знал, что у нее закрыты глаза, знал, что... она сейчас скажет.

– Я хочу тебя...

Он знал, что дальше будет достаточно одного прикосновения, чтобы не остановиться. Губы будут позже, потом, после того как первый вал пройден, после того как разодранная одежда не позволит думать о чем-нибудь еще, кроме движения дальше, в пропасть.

Они сидели в машине, боясь пошевелиться, словно поскользнувшиеся альпинисты, застывшие на полуметровом карнизе над пропастью, развершейся внизу. Вокруг вперед-назад сновали прохожие, не обращающие внимания не только на их красный порше, но и на самих себя. В очередной раз сорваться. Лететь, упасть, почти умереть. И снова через дикую боль, через раздробленное сознание, через нежелание жить, возвращаться...

Поворот навстречу друг другу был одновременным.

Взгляд, способный срастить время каждого, текущее порознь, в единое целое.

Его рука, резко ложащаяся на ее бедро идвигающаяся вверх, задирая юбку.

Губы, стонущие и бьющиеся в истерике судорожного прикосновения друг к другу.

Она, оттолкнувшая его, поднимающая и отдающая свои стройные ноги в чулках телесного цвета ему.

И он, стягивающий белые миниатюрные трусики и, в который раз впадающий в состояние полной невменяемости от этого.

И она, перебирающаяся на его сидение и перебрасывающая ногу через него, расстегивающая молнию на брюках, и уже тоже не владея собой, касающаяся губами и ласкающая, парящая, стонущая.

И когда все пуговички рубашки его были свободными, а ее шелковая блузка превратилась в лоскут...

Когда его пиджак был отброшен на заднее сидение, а ее юбка не мешала его пальцам ласкать всю ее промежность...

И когда твердые соски ее груди оказались под его ладонями...

И когда она, приподнявшись и одновременно откинувшись назад, одной рукой направила его в себя...

Небо обрушилось.

Оттаивающее сознание болело жгучей рвущейся болью. Пульсировало. Павел подумал: «Убивающий любовь... почти преступник. А может и правда убить?» Но сразу отогнал эту мысль.

Неожиданно Иван стал пробираться к выходу. Они не проехали и одной остановки.

– Шеф, тормози, – глухо сказал он водителю.

Водитель возражать не стал. Петр вылез из остановившейся маршрутки вслед за Иваном.

– В чем дело? – спросил Иван, хотя он уже понял, что придется возвращаться. – Думаешь, что жива?

– Думаю – не думаю, но проверить надо. Чуйка меня еще ни разу не подводила.

Когда Петр и Иван забежали в темный подвал обычной городской многоэтажки, возле окна они увидели еле стоящую и курящую, дрожащую от холода или от слабости... Марину. Она оглянулась на них, застывших в дверях, и тихо, но разборчиво проговорила:

– Сколько он вам заплатил?

По лицам мужчин Марина поняла, что можно что-то сделать. Но она молчала. Знала, что нужно перехватывать инициативу, использовать те несколько минут, которые у нее вдруг появились. Сейчас «спортсмены» начнут думать, и тогда вряд ли что поможет. Она затушила сигарету о стену и бросила окурки к себе под ноги.

– Слушайте, ребята... во дворе, сразу возле подъезда, стоит моя машина... хорошая машина... «Порше», – Марина взглянула на неподвижно стоящих угрюмых мужчин, странно подсвечивающихся луной или фонарем с улицы. – Она стоит гораздо больше, чем-то, что вам обещали. В сотни раз.

Тишина появлялась быстро, а потом шум в ушах. Пульсирующая кровь искала выход в слабости. Марина пыталась унять дрожь – она замерзала. Хотелось накинуть мягкую ткань пальто, хотя бы на плечи. Но было не до этого. Скулы странно стягивались безостановочной дрожью, поэтому слова выходили глухими и монотонными.

– Машина ваша. До утра вы на ней будете уже далеко. Ключи, документы и доверенность в бардачке. Там нужно только фамилию вписать. – Марина снова сделала паузу, закрыла глаза.

Все вокруг закружилось. «Еще не хватало сейчас потерять сознание, – подумала она».

Опершись руками о мокрую холодную стену, она стояла и беззвучно тряслась теперь уже крупной дрожью. Ее бил озноб, бороться с которым она уже не могла. От бессилья она расплакалась: горько, безудержно, вспоминая все, накрывшее ее в последнее время, ощущая вдруг проснувшуюся боль даже при обычных движениях руками, ногами, шеей, попытке вдохнуть чуть глубже. Обида заползла сразу же за болью и холодом, жгучая обида на окружающие ее холод, грязь и людей, делающих ей больно.

Иван двинулся к дрожащей женщине, медленно, тяжело ступая, словно решая с каждым шагом что-то для себя.

– Иван, – проговорил, словно про себя, Петр.

Марина отвернулась к стене и, опершись о нее плечом, начала сползать вниз. Сразу все поплыло перед глазами. Последнее, о чем она смогла подумать: «Ну и за что это все мне?!»

Павел вошел в комнату. Невольно остановился, чувствуя приближение странного чувства холода. Совсем недавно он не мог представить, что именно здесь, в этой его комнате большого дома он почувствует пустоту. Он осмотрел комнату. Сейчас, когда она была заполнена лунным светом из окон, причудливыми тенями и тишиной, его стояние было естественным. Тихое, спокойное стояние посреди комнаты давало возможность не видеть собственную тень. Он знал, что тень сзади – впереди только свет из окон, растворяющий полумрак и скрадывающий ненужные мелочи: он знал здесь все, до мельчайших подробностей, поэтому закрыл глаза.

Сигарета в руке появилась неожиданно. Пришлось найти зажигалку и включить шипящий яркий газовый огонь. Он вспомнил, как она вертела в руках эту «страхолюдину» – голову какого-то мифического то ли черта, то ли Мефистофеля. Машинально, в который уже раз, перевернул зажигалку вверх дном и прочел это мрачное и такое растиражированное имя. Он помнил, как ее указательный палец проводил линии по впадинкам и углублениям фигурки,

оживляя ее, давая повод потом, в дальнейшем, всегда вспоминать ее неподдельную внимательность при этом, отрешение от всего и интерес. О чем она думала тогда?

Затянувшись, вспомнил, что... она начнет считать: раз! два! три... до тех пор, пока не появится первая исходящая струйка дыма и скажет:

– Люблю запах... тебя внутреннего, – улыбнувшись, близко, заставляя чувствовать раслаивающиеся запахи вокруг.

Хотелось тянуть в себя ее запах, ее поцелуй, растворяющий неестественность, прижимающий к земле мысли. Поцелуй – крик. Безмолвный крик наслаждения, распаивающий створки в нечто: лохматое, вязкое, горячее, шелестящее.

Шипящая струйка газа погасла.

Его взгляд двигался по памяти. И память тут же выдавала картинку: бумажную, непрочную, рвущуюся почти сразу на мелкие кусочки, которые тут же перекраивались, выстраиваясь в линию к сумасшествию.

...Ее кресло. В тот первый вечер, она, осмотревшись от входа, сразу сделав несколько решительных шагов, села в него, откинувшись головой на мягкую плюшевую темно-синюю обивку. Тень тут же легла на лицо, заострив подбородок, оставив темными загадочные полукрытые глаза и несколько более четкую линию застывшей улыбки. Ноги ее медленно вытянулись и, перекрестившись, изящно застыли, закончив... картину... иллюзорной... красоты. Картину? Да. Это когда следующий мазок был бы всегда лишним. Упала освободившаяся ткань темно-синего запахивающегося платья с ее колена, и она ее не поправила. Линия с цветом слились в единое – лицо ее тянулось, удлинялось, жило. Раньше это было его кресло, простое, обычное, спокойное. Теперь он понял, что навсегда ее.

Невыносимо больно стало смотреть в пустоту. Она была в кресле, а он видел кресло пустым. Озноб воткнулся в затылок, рассыпавшись, пронесся по позвоночнику. Стоять и смотреть он больше не мог, шагнул к окну, застыл. Он не представлял, как сможет прикоснуться к ее коже.

...Музыка. В комнате было тихо, но взгляд, останавливаясь на всем вокруг, звучал. Играла память, забавляясь, трогала мягко, натягивала, притягивала, отпускала.

Зеркало над камином.

– Как в него смотреть? – подпрыгивая, похожая на белку, удивлялась она. – На кого оно рассчитано? У тебя тут великаны водятся?

– Это для бликов света, на потолок, – улыбался он. – Зачем здесь зеркало?

– Как зачем? А я? Как я увижу себя? – подпрыгнув еще раз, успокоилась она.

– Я тебя увижу.

– Но не я же? – Ее руки потянулись к огню, и глаза тоже.

– А ты увидишь себя в моих глазах или в пламени.

– В пламени...

– И в глазах...

Смотря ей в глаза, хотелось прижаться, быть рядом, вместе. Очарование, возбуждение, состояние дикой боли и сладости одновременно. Плыть по этому состоянию, продлевая соприкосновение максимально долго, до первого касания губами. Что дальше?!

...Однажды она, стоя у высокого металлического столика с многочисленными статуэтками божеств, собранных им как-то, между прочим, и без особого желания и стремления к коллекционированию, медленно перебирая пузатые и витиеватые фигурки, вдруг глухо сказала:

– Иди ко мне...

Не поворачиваясь, не шевельнувшись, только линия спины чуть напряглась, а голова склонилась к плечу. Сказала так, что в воздухе вокруг возникла странная жесткая вибрация и высокий металлический звон.

Марина очнулась от соприкосновения с холодом черного шелка: такое привычное ощущение, такой привычный запах. Боже! Боже. Руки, держащие еще минуту назад, крепко и осторожно и тепло, сейчас исчезали, уходили из-под спины. Ее бережно укрывали ее же пальто. Темно. Тихо. Еще минута прошла в тишине.

– Мы согласны, – хриплый мужской голос распорол ткань покоя.

Она... дома? Знакомый свет витрины с улицы. Запахи кроткой теплоты. Марина ладонями погладила шелк простыней. Как?

Две тени еще стояли некоторое время, потом, развернувшись, и больше не сказав ни слова, прошагали к двери. Тихо открылась наружная дверь, образовалась полоска света в прихожей, щелкнул английский замок. Все.

Нереальнее всего была быстрота перемещения из холодного подвала в тепло собственной квартиры, на шелковые простыни не заправленной утром кровати. Почему не заправила? Что-то помешало тогда. Звонок телефона... да, звонок телефона. Она была в ванной, а телефон звонил. Звонил, не прекращая, пока она не взяла трубку, протоптав из ванны мокрые следы по паркету. Звонил Пашка и удивился, что она еще дома. Да, она опаздывала, жутко опаздывала, но куда?

Она облизала губы, и почувствовала металлический привкус крови – захотелось пить. И хотелось под душ. Очень хотелось смыть с себя...

Вернулась боль. Боль во всем теле. Везде. В руках, в ногах, в животе, в груди. Тупо ныла голова, пульсировали виски. Марина попробовала пошевелиться. Ей это удалось, и она перевернулась на живот. Потом, подтянув к себе ноги, она встала на коленки, согнувшись. Боль в животе куда-то исчезла. Зато появилась в позвоночнике.

Она вдруг подумала, что все эти боли можно терпеть! Не было сверхболи, из-за которой теряется сознание. Если позволить себе расслабиться, уснуть, пожалеть себя, разжать сомкнутые пока тиски самозащиты – все, она не сможет встать с кровати, она превратится в безмолвную мишень, она сдастся. Нет! Этого не будет.

Лежа в таком эмбриональном положении, Марина поняла еще одно. Если она сейчас задумается над ответом на вопрос «почему?!», то тоже сдастся, тоже не сможет сделать то, о чем она решила еще стоя возле подвального зарешеченного окошка, подсвечиваемая бледным лунным светом. Вопросы «кто?» для нее не существовало. А вот вопрос «почему» убивал.

Позже, стоя под горячим душем, она все боялась открыть глаза и посмотреть в большое зеркало, в свое любимое зеркало, которое всегда раньше было для нее другом и советчиком, смущенным зрителем и страстным поклонником. Теперь Марина не смогла сразу не только улыбнуться ему, но и просто бросить взгляд.

Открыв глаза, она поняла, что ей чертовски повезло. Синяки и кровоподтеки были везде, кроме головы.

– Спасибо, – прошептала она.

Интуиция. Какое-то странное слово. Сказать его, проговорить про себя, и, кажется, что заглянул в глубокий колодец с прозрачной водой. Заглянул. За столиком напротив в этом импровизированном кафе на улице сидела его интуиция. Материализованная интуиция. Ей не скажешь «который час?» или «кажется, мы с вами где-то...».

– Девушка, хотите угадаю ваш номер мобильного? – Пусть интуиция развлекает интуицию.

– Сейчас? – спросила Марина.

– Да.

– Мой мобильный? – Она посмотрела на свой серебристый Samsung, потрогала его указательным пальчиком. – Как?

– Давайте так, – он достал из кармана свой телефон. – Я наберу ваш номер и...

Замешательство, интерес и глаза говорящего, уверенно смотрящие в ее черные очки, рождали желание продолжить диалог.

– Вы его знаете!

– Я? Каким образом?!

– Ну, знаю я каким. Каким-нибудь. – Марина опустила и подняла глаза. – Знакомый мужа, например.

– Значит, вас сюда доставил муж, – Олег улыбнулся, добившись своего, вспомнив невысокого, хорошо одетого крепыша на черном Мерсе.

– Не обязательно муж. Может, охранник мужа.

«Слишком уверенно и осторожно „охранник“ поддерживал ее за предплечье. Не охранник. Если не муж, то любовник».

– У вас должно быть морское имя, – интуиция купает интуицию. А вдруг?

Она положила свой телефон на стол, достала из сумочки яблоко, вытерла его платком и надкусила. Ждала, пока уверенный взгляд засуетится, скажет какую-то глупость, повторится, начнет перебирать имена и можно будет отвернуться и продолжать скучать дальше. Но он не суетился, ждал, улыбался и, вдобавок, тоже надел очки, черные-черные, способные прятать мелочи и подглядывать как бы невзначай. Она вдруг поняла, что он может не продолжить, может отвернуться. А может быть, уже не смотрит, закрыл глаза. Спит. И она никогда не узнает «почему» и «как».

– Ну, что ж вы? Набирайте! – сказала она, откидываясь на диван, заставив себя улыбаться глазами и, иронично, уголками губ.

– Это ваш ужин?

Она помедлила с ответом, но ровно столько, чтобы не показать возникшей заинтересованности.

– Да, – улыбнулась, и тут же вспомнила слова знакомого психолога с его теорией скрытых зашифрованных мужских вопросов и женских произвольных ответов. «Получается, что я уже согласилась, почти отдалась, почти его. Что за глупость, собственно?».

Она ждала, еще раз откусила яблоко, с хрустом, вкусно. Интуиция! Эх, ты... «Норбеков».

Олег очнулся. Знакомство с Мариной, ничем, кроме наваждения, не назовешь. Который уже раз он думал об этом с сожалением.

– Федор, стой!

Машина резко крутанула к бордюру, через «не могу» сбросила скорость и чисто втиснулась между двумя черными Мерседесами. «Заполонили немцы землю русскую!»

– Вылезай! Поедешь в офис на метро. Я сам.

Думать, опять думать. Опять раскладывать пасьянс, опять настраивать весы: слева – прагматика буден, справа – человеческие слабости, слева – желание владеть, справа – влечение. Глупость! Невозможность разложить свою текущую жизнь по полочкам, навести порядок в мыслях, в настроении, в чувстве приводило Олега в состояние ступора, не позволяло быть в комфортном состоянии, в гармонии внутреннего с внешним. Начинала болеть голова, странно стучать сердце, гремя и засасывая собственную жизненную силу. Нужно было побыть одному. Пусть упрощая, но объяснить себе, что происходит вокруг, выстроить цепочку смысла из фактов и образов людей, перемещающихся вокруг своими оболочками, телесными и энергетическими, объяснить простыми словами свои и их поступки и появится порядок! Вымести весь мусор вон и все.

Олег резко дернулся из машины, грохнул дверью, заметил боковым зрением взгляд Федора – осуждает, но выходит из машины. Переходит на тротуар, молчит, сосредоточенно и строго, оглядывается по сторонам. «Что со мной может случиться?» – раздражение опять накинulo на Олега свои сети.

– Черт!

Успокоился он только когда сел на место водителя. Закрыв глаза, представил море. «Стоп, еще раз...»

Море. Солнце. Чайки. Не получается. Только болото! Лягушки и пиявки.

Открыл глаза и увидел, что Федор все еще стоит на тротуаре, оглядывается по сторонам. «Не уйдет, пока не уеду», – подумал Олег, резко вывернул руль влево и с визгом покрышек рванул с места. Тут же представилась гримаса Федора. Машину он любил и способен был часами вылизывать ее. «Это не нормально. Продать этот Volvo нужно. Влюбился Федор в машину, да. Фетишизм какой-то!» – опять по привычке объяснял все он мирозданию.

Мысль, что что-то нужно делать сразу, постоянно существовала рядом, но не проникала внутрь. Марина от нее не отмахивалась, но и не пускала. Стоило бы только запустить ее чуть дальше положенного обычного «думания вокруг», как от нее уже не отделаться – она себя знала. А если мысль станет вить гнезда, плодить птенцов, искать пищу для дальнейшей жизни внутри, то это будет уже не жизнь, а только одна мысль.

Отвязаться от ноющей постоянной боли удалось не сразу. Отпихнуть ее, отделаться хотя бы днем от ее липких приставаний способно только механическое выполнение однообразных действий. Мысль и боль, боль и мысль. Вот и способ существования. Жить, чтобы думать, жить, чтобы болело. Или наоборот. Не думать и болеть не будет.

Как я заговорила. Не иначе что-то в голове все-таки изменилось.

Сушить волосы смысла не было – обернула их полотенцем и забросила назад. Хотела нажать клавишу на музыкальном центре, но передумала и пошла босиком на кухню.

*Разучилась смотреть вдаль
Разучилась считать до ста
Разучилась любить февраль
Он забрал тебя навсегда*

– Почему так жесток снег? На нем твои следы.

Она спрашивала снова и снова. Теперь уже вслух. Как-то быстро потемнело и на кухне стало почти темно. За окном слякоть. Снега нет. И тебя нет.

Вытирая очередную тарелку, она вдруг замерла. Почудился звук вставляемого ключа во входную дверь. Она прислушалась. Но потом опустила голову, даже не усмехнувшись себе. Свет включать не хотелось. За окном шуршащих шинами машин стало меньше. Наверное, уже около десяти. Или позже. По спине пробежал озноб и затаился между лопаток, заставив приподнять плечи. Откуда-то донеслась песня, ставшая ремиксом их знакомства.

– Наверно, в следующей жизни, когда я стану...

Наверное. Когда я стану. Кем?

Прислушиваясь к такой вьедливой и вползающей музыке, старалась угадать, откуда она доносится. Или она все-таки включила центр? А почему тогда так тихо доносится, словно из другой жизни.

Опять появился звук в прихожей. Легкий металлический шорох. Дома она была одна. Идти проверять было страшно, смотреть в глазок, слушать чье-то дыхание.

Положила в шкаф последнюю тарелку, вытерла и без того сухие руки, повесила полотенце на стул и осталась стоять напротив окна. Грустно смотреть в сгущающуюся темень.

– Все просто, – начала она говорить вслух.

И осеклась. До того показался незнакомым и надтреснутым звук собственного голоса. «Лучше говорить молча», – подумала она. Нечего пугать себя еще и голосом собственного отчаяния.

Звук из прихожей повторился в третий раз.

Жалеть себя надоело сразу, как только страх накрыл высоченной волной, вымочил, набросился всей своей тяжестью, облизываясь и готовясь к трапезе. Кто-то уже был внутри квартиры, потому что дверь раскрылась и сразу же закрылась. Она замерла. Мозг забыл о ней. Стало очень тихо. Была маленькая надежда, что ей почудилось. Свет в квартире она не включила, осенний вечер как-то быстро стал ранней ночью. Развернутся от окна и посмотреть в темную прихожую удалось не сразу. Казалось, что тьма там была живой, тянула руки, дышала, шептала что-то на своем языке. Присмотревшись, она вдруг увидела в глубине, там, почти у самой входной двери чьи-то глаза. Вернее, не мигающие белки глаз, широко раскрытые, дикие, колдующие. Больные. Она не знала почему. Сумасшедшие!

Олег не удивился, когда однажды Паша приехал в очередной раз в его загородный дом с Мариной...

С его Мариной.

Сказка. Шрам. Жизнь

Глава 1

Вспоминая о любви. Помнить чувство – полная блажь. Прекращается чувство – исчезает желание его помнить. Это как написанное на листке: подожжено, и, превратившись в пепел, развеяно по ветру.

*Она поверила в сказку
Из облаков,
Плывущих по небу,
Ей было просто и ясно,
Что мир таков,
Как он ей поведал...*

Простая по сказочности и естественности встреча. Он приехал к ней. Поезд подходил к вокзалу областного русского старинного города, само название которого намекало на его царское происхождение. Зима. Поздний вечер. Снег прочно лег на выстуженную недельными крещенскими морозами землю. Мысли как-то странно осели, зажглось внутри табло с предупреждением о первом взгляде, о первых спорных мыслях, барахтающихся на поверхности ожидания и стремления к неизвестному. Год общения по Интернету. Почти год. Общение по Интернету не приводит к хорошим встречам, к долгому знакомству. Хотя бы к долгому знакомству, не говоря уже о том, о чем думалось сейчас. Нет...

Нет, он не мог оставить так то, что скопилось за этот год. Никуда никто не денет интуицию, способность иногда предвидеть, желание дать себе шанс. Не могло быть случайным то, что происходило весь этот год. Он не тянул желание из себя, он не выжимал интерес насильно, он не погонял «жарких лошадок влечения кнутом нетерпения». Он жил, постепенно впуская что-то новое, приятное. Это новое ложилось очень естественно на сформировавшийся ландшафт ощущений этой жизни. Поражаясь легкости и плавности вхождения всего, что связано было с ней, внутрь, иногда ругаясь и бесясь от этой простоты и естественности, он раскрывался навстречу, не препятствовал, но и не торопил. Долгие разговоры по сети усталыми вечерами, когда офис пустел, когда одним светлым пятном оставалась настольная лампа над столом в его кабинете, когда в раскрытой настели голове селились безмятежность и наполнение мечтой о чувстве.

Можно считать, что их познакомила подруга, ее подруга, с которой он был знаком раньше, на пару месяцев раньше, через какой-то там «главный» чат. Случайное поздравление с майскими праздниками попало на ее день рождения. Так вышло. Потом он будет часто повторять эти слова. Видимо, кто-то еще хотел, могущественный и шутивший исподволь, чтобы они были вместе.

Поезд-экспресс из Москвы медленно подходил к перрону. Пассажиры спешно одевались, хотели быстрее оказаться дома, обменивались малозначащими словами, заворачивались в шарфы. Динамики объявили, что поезд прибывает на конечную станцию, и что они желают всем пассажирам удачи и теплого вечера. Запахнувшись в куртку, положив на сумку между ручками букет из пяти белых роз, он вышел. Фотографий пересмотрено много. Ассоциаций тоже достаточно. Но все было новым, ничем не повторяло его предыдущий опыт, его предыдущую уже достаточно долгую жизнь.

*Зачем ненужные клятвы,
О том, что он
Весь мир отдать за нее готов...
Было небо высоким и чистым,
Были губы
Нежнее цветов.*

Почему она такая? Почему ее большие глаза такие тревожные, а руки такие чуткие? Губы такие открытые... сразу открытые. Видно было, как она волнуется, как сдерживает свою дрожь, то ли от холода, то ли не от холода, а от себя. Когда она привстала на носочки, целуя его, вернее, отдавая свои губы ему, когда он обнял ее одной рукой, и чувствовал ее вытянутую страхом, ожиданием, интересом и влечением спину, когда, передавая цветы, белые розы, он заглянул в ее темные, переполненные всем, чем только можно, глаза, он понял, что никогда не сможет в дальнейшем не только обидеть, но и оттолкнуть нечуткостью, неверием или непониманием.

– Привет, – сказал он.
– Привет, – сказала она.
– Это тебе.
– Это мне?

Смущаясь, она отчаянно смотрела ему прямо в глаза, пытаясь понять, понравилась ли. Нет? Да? Да? Нет? Он обнял ее и не выпускал, взял руку в перчатке.

– Ты дрожишь. Холодно?
– Нет, – говорила она. – Но у меня дрожат коленки. Я боюсь.
– Дрожат? Не надо бояться, я не страшный. Видишь?
– Конечно! Но ничего не могу с собой поделаться...

На улице был мороз. Градусов пятнадцать. Пассажиры быстро разошлись с перрона, а они стояли.

– Нам куда дальше? Далеко гостиница? – спросил он.
– Нет, совсем не далеко. Вверх на горку, пять минут.
– Пошли?
– Пошли...

Он не догадывался, что уже любил ее. Она уже знала, что любила его. Это предопределило дальнейшее. Она все решила заранее. Он думал, что его ждет. Но она уже стала близкой. Во время общения по Интернету они поняли, что явные половинки друг друга. Теперь эти половинки быстро, легко и правильно склеились. За пять минут. Оказалось, что так может быть.

В центральную гостиницу они не попали – не было мест. Вернувшись на улицу, тут же поймали такси, и когда она сказала водителю название гостиницы на окраине города, и водитель рванул машину с места, словно пришпорил, а он, сняв с нее холодные перчатки, одной рукой сжал обе стиснутые между собой ладошки, притянул всю к себе, обнял и стал греть...

– Хорошо, что ты приехал, – так сказала она, что он сразу понял, что хочет ее.

*Какие странные тени
На потолке,
Похожи на лица...
Какие жесткие вены
В ее руке...
И сердце боится.*

Эта песня Иванова стала их песней уже потом. Позже. Перед их второй встречей. Они боялись, что песня станет пророческой. Смысл в том, что по сценарию песни могут развиваться три четверти отношений, в которых люди любят. Могут. Но он берег ее. А она думала о нем больше, чем о себе. Даже в первую ночь, в их первую ночь в полупустой загородной гостинице, от этого казавшейся промерзшей. Обступившие гостиницу сосны и ели делали их совсем отшельниками-любовниками, которых сразу видно улыбающейся женщине-администратору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.